

12 19 — 25 декабря 2002 г.

ПОД ЗАНАВЕС

Кубатура. — 2002 — 19-25 дек. — с. 12

Один год из жизни того самого Юзовского

18 декабря исполнилось бы сто лет известному писателю, переводчику, эссеисту, одному из лучших театральных критиков своего времени Юзефу Юзовскому. Он ушел из жизни очень рано, на 62-м году, не успев донести свою песню. Точнее, ему не позволили это сделать обстоятельства. Обвиненный в 1949 году в безродном космополитизме, Ю. Юзовский открывал список театральных критиков-антипатриотов, "иванов, родства не помнящих", объявленных "врагами народа". Большинство "космополитов" прежде постоянно печатались в московских и центральных изданиях, в том числе и в нашей прародительнице — газете "Советское искусство". Но это не спасло их от карающего меча, от имени народа и партии решившего раз и навсегда навести порядок в театроведении, а заодно и в любой другой области критики, чтобы никому неповадно было впредь отстаивать достоинства искусства и литературы.

В 14 лет я почти окончательно осознал, что у меня нет малейших шансов стать актером. На словах не передать, какой это был тяжелый удар для человека, с пяти лет мечтавшего посвятить себя сцене.

Однако если же не актером, то кем быть? Режиссура никогда не привлекала меня, к тому же я изначально не стремился к лидерству, а без этого руководить людьми — то же самое, что петь без голоса и слуха. Оставалось театроведение. Но ведь я выбирал профессию на рубеже 40 — 50-х годов, когда семинар по критике в Харьковском театральном институте вести уже было некому — все без исключения прежние педагоги оказались не просто космополитами, но к тому же еще и "врагами народа". И я решил во что бы то ни стало добиться поездки в Москву и обязательно попасть к Юзовскому! Дело оставалось за малым: секция театральных критиков ВТО как основной рассадник безродных космополитов была безжалостно разгромлена в незабываемом 1949 году.

Но не для того я преодолел нелегкий путь на боковой верхней полке в холодном вагоне, чтобы вот так ни с чем вернуться домой. На Пушкинской площади я заметил киоск "Мосгорсправки", где за 2 копейки запросто выдавался адрес любого москвича. За дополнительные 2 копейки здесь же мне любезно объяснили, как добраться до Лаврушинского переулка, дом 17/19, где в квартире №332 проживал Юзовский.

Вероятно, вы не забыли, как житомирский кузен Лариосик без всякого предупреждения явился в дом Турбиных, тем самым поставив и себя, и своих родственников в неловкое положение.

Правда, те события имели место в годы Гражданской войны, когда и письма, и телеграммы действительно могли затеряться. К тому же Турбины знали, что где-то в Житомире у них и в самом деле есть такой кузен. Мое же появление в доме опального Юзовского — без всякого предупреждения! — согласитесь, не шло ни в какое сравнение с ситуацией, описанной Булгаковым. Разве что оба случая подпадают под название известного полотна Регина "Не ждали".

На двери квартиры №32 была прикреплена небольшая металлическая пластинка. На ней значилось: "И.П. Уткин". Ну и что, возможно, в квартире проживают несколько семей? Неясно лишь, почему в таком случае на двери указана всего одна фамилия? И сколько раз надо нажать кнопку звонка, чтобы вызвать именно Юзовского, а не его соседей?..

Пока эти мысли роились у меня в

голове, я робко один раз приложил палец к кнопке. Дверь отворил мужчина средних лет, плотного телосложения, в вылинявшей майке, удлиненных сатиновых трусах и стоптанных войлочных туфлях на босу ногу.

— Вам, собственно, кого? — с икотой спросил он.

— Мне нужен Юзеф Ильич Юзовский.

— Гражданин, — привычным начальственным тоном выкрикнул мой новый знакомец. — К вам пришли, на выход! — "не повернув головы кочан", сообщил он робко высушенному из дальней двери человеку небольшого роста в махровом халате.

— Ко мне? — с удивлением переспросил тот. — Кто вам нужен?..

Я извинился за неожиданное вторжение и сказал, что мне необходимо переговорить с товарищем Юзовским.

Воцарилась пауза из последнего акта "Ревизора". Человек в трусах сделал нетвердый шаг в сторону и, не сводя с меня глаз, театральным жестом указал на человека в халате.

— Мне бы все-таки хотелось узнать, кто вы и откуда, — почти взмолился не на шутку испуганный Юзовский.

— Я обязательно все вам объясню, но не в прихожей же...

— Странное дело: незнакомый человек самовольно запросто является в чужой дом и требует аудиенции.

— Попрошу без выражений, — медленноотреагировал на подозрительное слово "аудиенция" все тот же нетвердо стоящий на ногах сосед в трусах...

Комната, в которую я попал, одновременно служила библиотекой, кабинетом, спальней, гостиной и столовой Юзовского. (Во второй, восьмиметровой, жил дофин, он же — наследный принц любимый сын Миша.) Справедливости ради замечу, что по отнюдь не поэтическому хаосу, царившему в обеих комнатах, складывалось впечатление, что их владельцы вступили в неласное соревнование, в котором трудно кому-то из них отдать пальму первенства. Да и чему удивляться, если учесть, что мама именно в 1949 году ушла из семьи, оставив на попечение папы не только первоклассника, но и свою 92-летнюю мать Марию Васильевну, человека глубоко верующего, но абсолютно необразованного, всерьез сокрушавшуюся в связи с тем, что "все жидаи вдруг стали митрополитами". (Разница между понятиями "космополит" и "митрополит" так и осталась для нее тайной.)

Устроившись на кончике стула, я сбивчиво в двух словах попытался

Ю. Юзовский дает автографы В. Топоркову, Б. Ливанову, И. Козловскому и Ю. Завадскому. ЦДА. 17 декабря 1962 г.

объяснить, что приехал в Москву из Харькова специально, чтобы брать уроки театральной критики и обязательно у Юзовского. Трудно передать ужас, который овладел в этот момент моим собеседником, словно я предложил ему дерзкий теракт, направленный на свержение существующего строя.

— Какие уроки? Я не даю никаких уроков, — подчеркнуто громко, чтобы слышно было и в прихожей, объявил Юзовский.

— Как какие? Уроки театральной критики, я читал ваши статьи и книги и считаю вас самым лучшим критиком!

Час от часу не легче.

— А вы, случайно, не видели в газете "Правда" статью "Об одной антипатриотической группе критиков"?..

— Видел, читал. Но я категорически с ней не согласен. Там все вранье и бред!

Мой собеседник до того испугался, что уже готов был указать мне на дверь. Однако я не унимался:

— Извините, но я прошу вас заниматься со мной не из милости, а за деньги.

— Повторяю, я не даю уроков. Я вообще никого ничему не учу, вы можете это понять?

— Не могу. Вас же самого кто-то учил?

— Еще как!.. — словно крик души неожиданно вырвался у моего собеседника. Можно лишь догадываться, какой смысл вложил он в эти слова, произнесенные с такой болью, что мне самому стало страшно...

— Много платить не могу, — на всякий случай предупредил я. — Двадцать пять рублей вас устроит? — уточнил я, будто уже получил прин-

ципальное согласие. Юзовский не знал, что и ответить.

— Не знаю, не знаю. Но вы так настаиваете...

— Настаиваю, настаиваю! В конце концов, если ничего не получится, никаких претензий к вам не будет.

— Что вы смотрели вчера в театре? — неожиданно спросил Юзеф Ильич. — Что вы можете сказать по существу?

Я начал что-то лепетать, словно пытался оправдаться и за автора, и за режиссера, и за актеров. Чем больше я говорил, тем мрачнее становилось лицо моего кумира. Ему было явно не по себе, он с трудом слушал мою болтовню и с нетерпением ожидал, когда же я наконец умолкну. Может быть, сказывалась общая усталость, или давало о себе знать тяжелое ранение в позвоночник, полученное на фронте критиком-антипатриотом, куда он выезжал неоднократно с фронтовыми театрами в качестве военного корреспондента.

— Я вам ничего не обещаю. Посмотрите несколько спектаклей, напишите короткие отзывы, предварительно позвоните — потом подтолкнем...

Я протянул конверт с заранее приготовленным гонораром, но он не только не взял его, но сделал вид, что даже ничего не заметил...

...Семь лет ходил я в этот дом, но лишь на восьмой, когда главный инициатор борьбы с космополитами не просто почил в Бозе, но был выдворен из Мавзолея, Юзовский признался, что все годы опасался меня, полагая, что я появился в его доме случайно. Определенная логика в рассуждениях Юза, безусловно, была.

В этой же квартире прежде жил

поэт Иосиф Уткин. В 1944 году он погиб в авиакатастрофе, возвращаясь с Западного фронта в Москву. Его мать не смогла пережить гибель сына. В большой квартире в центре Москвы оставалась родная сестра поэта. Через несколько дней после похорон матери ее, сестру, арестовали, а в освободившиеся комнаты вселился начальник отдела конфискации Замоскворецкого КГБ — тот самый, что открыл мне дверь. Наученный горьким опытом, всеми забытый, погибавший в нищете "жалкий пигмей", как назвал Юзовского Анатолий Софронов, затравленный, полуголодный, он каждую минуту ожидал любую провокацию.

Забегая вперед, скажу, что спустя семь лет, когда я принес Юзу очерк о Любови Ивановне Добржанской, он, сменив гнев на милость, сказал:

— Знаете, может быть, из вас еще что-нибудь и получится. Обругать спектакль — дело нехитрое, тем более что ругаться можно и на базаре. Ведь вы же хотите быть не ругателем, а критиком. А критик начинается не с ругани, а с любви, к актеру прежде всего, да и к театру, конечно, тоже...

Господи, отчего иные из моих молодых коллег не учились у Юзовского? Отчего они соревнуются в том, как бы побольнее нанести удар художнику? Но это я так, к слову...

Я был свидетелем нескольких жутких историй. Одним из последних верных друзей Юза оставался Михаил Федорович Астангов. Когда другие боялись не то что зайти, позвонить, пригласить в театр, но просто поздороваться при встрече на улице, знаменитый актер почти демонстративно продолжал регулярно наносить визиты, обязательно прихватив с собой что-нибудь со-

блазнительное из съестного. Однажды как раз во время очередного визита Астангова по радио прозвучало выступление известного писателя Льва Никулина, кстати, жившего в одном доме с Юзом. Автор многих исторических полотен, почитавший себя классиком отечественной словесности, на этот раз обрушил гнев на своих современников — космополитов и в конце призвал "не слишком с ними церемониться, а беспощадно и решительно вырывать сорную траву с корнем с поля вон!"

На покрасневшей лысине у Михаила Федоровича проступили капли холодного пота. Он начал почти судорожно сжимать и разжимать кисти рук, затем поправил крахмальный ворот сорочки, стеснявшийся свободное дыхание, и слегка привстал.

— Тебе страшно? — спросил Юз.

— Немного, — честно признался Астангов.

— Хочешь уйти?

— Хочу, — почти выдавил из себя М.Ф.

— Не смею задерживать и спасибо за все, что ты сделал для меня, для нас...

Спустя полвека невозможно передать, что стоило им это прощание. Казалось, они никогда не смогут оторваться друг от друга.

Второй случай. Ю.И. имел прекрасную личную библиотеку, хотя и не был библиофилом. Здесь книги не хранились, но работали. Самые разные — по философии, истории, политике, литературе и искусству. И конечно, первоисточники — от Ленина до Шекспира, Гюльке, Пушкина, Достоевского, Гоголя, Добролюбова, Фейхтвангера, Чехова, Толстого, бесконечные монографии и мемуары, многие с автографами.

Первые несколько месяцев после разразившейся бури, не подходя ни к одной кассе, кроме сберегательной, Юз как-то держался за счет прежних накоплений в надежде, что вскоре все образуется, не может не образоваться! Но время шло, телефон упорно молчал, запасы таяли. И тогда Ю.И. стал обывать книги, которые в ту пору ценились высоко. У него был знакомый букинист — антиквар Илья Александрович. Когда-то при его посредничестве Ю.И. добывал самые необходимые ему для работы книги. Теперь пришлось просить старого знакомого содействия в реализации. Полки пустели день ото дня. Но зато Миша ежедневно ел кашу на молоке с маслом, иногда ребенку покупали даже яблоки. А уж на Новый год обязательно подкладывали к елочке мешочек с печеньем, конфетами и мандаринами!

Но и этот источник благополучия таял быстрее, чем хотелось бы. На полках оставались собственные книги Юзовского, многотомное первое издание сочинений Ленина — оно уже тогда не представляло ценности — и заветные 6 томов рукописного прижизненного издания всех пьес Мольера с дивными цветными гравюрами. Я был уверен, что уж этот-то раритет никогда не покинет стены дома при жизни его хозяйки. Однако человек полагает, а Бог располагает. Миша серьезно заболел, денег никаких нет, пришлось снова звать Илью Александровича. Не спеша, внимательно стал он рассматривать почти каждую страницу. Никаких особых эмоций не выражает, не заметил, что на титуле стоял №3, то есть третий экземпляр из общего тиража в 10 экземпляров. Как будто подобные издания попадают к нему в руки ежедневно. Ю.И. терпеливо ждал.

— Ну что я могу сказать? Вещь на любителя, к тому же — на французском языке. Да, атлас, да, гравюры, состояние вполне удовлетворительное. Могу предложить 300 рублей.

По тем временам это были приличные деньги. Собрание сочинений А.Н. Толстого, к примеру, стоило всего 30 рублей. Но ведь речь шла об антикварном шедевре!

В первый момент Юз издал какой-то нечленораздельный звук, скорее похожий на вопль или стон. Но слегка оправившись, сказал:

— Побойтесь Бога! Эти книги американская академия преподнесла мне в виде премии в 1936 году, потратив на них 10000 долларов. А вы предлагаете...

Илья Александрович резко встал, давая понять, что в данном случае торг не уместен.

— Все верно, но почему вы не берете во внимание, чем я рискую, бывая в вашем доме? Ладно, могу прибавить еще 50 рублей как старому клиенту.

Оставив деньги на столе, Илья Александрович бережно упаковал книги и тихо удалился. Так я до сих пор и не знаю, благодарить ли его или американскую академию, а может быть, самого Жана Батиста Мольера, но Миша в конце концов поправился, стал известным кинорежиссером детского кино, уже получает пенсию и с радостью возится с внучкой...

Борис ПОКОРОВСКИЙ